

МАКСИМОВИЧ ЖЕЛЬКО

ГОЛОГРАММА МАТЕРИ

Желько Максимович

НФ, Голограмма матери

<https://litres.ru/74196734>

SelfPub; 2026

Аннотация

На заснеженной окраине вымирающего сибирского города инженер и бывший шахтёр Виктор обнаруживает странное устройство в заброшенном руднике — загадочную сферу из меди, которую невозможно повредить. Он решает вернуть её в город, надеясь на деньги и славу, но странная находка начинает влиять на окружающих и самого Виктора. Сфера пробуждает воспоминания, искажения восприятия и словно манит в себя. Пока зима сгущается, граница между реальностью и чем-то иным стирается. Что скрыто в глубинах земли — артефакт забытых цивилизаций, внеземная технология или зеркало самого человека?

Желько Максимович

НФ, Голограмма матери

Глава 1

Золотая печать (2145, Октябрь)

Мягкий свет терминала отражался в золотом диске, покоящемся на ладони Александра Чена. Древний символ власти, переданный через поколения, теперь казался неуместно тяжелым. Металл хранил тепло его кожи, словно живое существо, прильнувшее к хозяину. Комната пахла ионизированным воздухом и металлом — запах космических станций, ставший ему родным за пятнадцать лет службы. Но сегодня в этом привычном аромате ему чудилась новая нота — соль и йод, запах океана, которого не могло быть на Луне.

Приказ мерцал на экране: Экспедиция Европа-IX. Командир — капитан А. Чен. Юпитерианская луна. Подлёдный океан. Возможный контакт.

Эти слова должны были вызвать профессиональный энтузиазм, но вместо этого по спине Александра пробежал холодок. Он потер переносицу, пытаясь отогнать странное ощущение дежавю. Европа. Он никогда не был там, даже не ви-

дел ее вживую, только на голограммах и в симуляциях. Почему же ему казалось, что ледяная луна зовет его по имени?

— Капитан Чен, ваш транспорт будет готов через сорок минут, — прозвучал механический голос станционного ИИ.

— Принято, — ответил Александр, не отрывая взгляда от золотой печати.

Он провел пальцем по краю диска, ощущая выгравированные иероглифы династии Мин. Металл был теплее, чем должен был быть, пульсировал едва заметно, как будто в нем текла кровь. Его прадед нес этот талисман через руины Шанхая, спасаясь от Великого Потопа. Отец сжимал его в кулаке, произнося клятву перед вступлением в Космический Флот. Теперь эта реликвия принадлежала ему — последнему мужчине в роду Ченов.

Александр перевернул печать. На обратной стороне был выгравирован странный символ — не китайский иероглиф, не известный ему знак. Спираль, переходящая в волну, напоминающую океанские валы. Отец никогда не упоминал об этом узоре. Странно, что Александр заметил его только сейчас, хотя носил печать уже пять лет, с момента смерти отца.

За окном вращался серый диск Луны. Бетонные купола

колонии сливались с пыльным ландшафтом. Где-то там, в Институте Ксенологии, его ждал брифинг, детали миссии, но мысли Чена блуждали между звездами, над которыми его семья несла невидимое бремя долга уже четвертое поколение.

Внезапно комнату озарила вспышка — Юпитер, видимый даже с Луны, на мгновение стал ярче. Александр моргнул. Показалось? Он подошел к окну, вглядываясь в космическую даль. Там, где должна была быть крошечная точка газового гиганта, теперь расплывалось размытое пятно света.

Терминал за его спиной пискнул, сигнализируя о новом сообщении. Александр повернулся и замер. На экране пульсировали символы — не буквы, не цифры, а странные знаки, похожие на тот, что был выгравирован на обратной стороне печати. Они двигались, перетекали друг в друга, как будто были живыми существами.

— Системный сбой? — пробормотал Александр, прикасаясь к сенсорной панели.

Символы исчезли, сменившись обычным текстом приказа. Но что-то изменилось. Дата отправления экспедиции. Раньше там стояло 14 ноября 2145, теперь — 14 октября 2145. Сегодня. Через три часа.

Сердце Александра пропустило удар. Он быстро открыл календарь. 14 октября. Все верно. Но почему ему казалось, что еще минуту назад до отправления оставался целый месяц?

— Капитан, с вами все в порядке? — прозвучал голос ИИ. — Я фиксирую учащенное сердцебиение и повышенный уровень адреналина.

— Все нормально, — ответил Александр, хотя внутри нарастала тревога. — Просто... волнение перед миссией.

Он потянулся к коммуникатору, чтобы связаться с командным центром и уточнить детали, но в этот момент золотая печать выскользнула из его пальцев. Она упала на пол, но вместо металлического звона Александр услышал всплеск. Диск исчез в луже воды, которой секунду назад не было.

Александр отшатнулся, моргнул — и лужа исчезла. Печать лежала на сухом полу, поблескивая в свете терминала.

— Я схожу с ума, — прошептал он, наклоняясь, чтобы поднять реликвию.

В отражении золотой поверхности на мгновение мелькнуло не его лицо, а нечто другое — текучее, светящееся, с

огромными глазами без век. Александр выронил печать сна-
ва, на этот раз услышав нормальный металлический звон.

Он потер глаза. Недосып. Стресс. Ответственность. Вот
причины его галлюцинаций. Нужно собраться. Он коман-
дир экспедиции к самому таинственному спутнику Солнеч-
ной системы. Миссия, о которой мечтают все в Космическом
Флоте.

Зазвонил коммуникатор. На экране высветилось имя:
Доктор Линг Мэй.

— Лейтенант Чен, — прозвучал женский голос, когда
Александр ответил на вызов. — Я пытаюсь связаться с вами
уже двадцать минут.

— Прошу прощения, доктор Линг, — ответил Александр,
нахмурившись. — Но я капитан Чен, не лейтенант.

Пауза на другом конце.

— Конечно, капитан. Оговорка. Вас ждут в Институте.
Мы обнаружили кое-что интересное в данных с зонда-раз-
ведчика.

— Что именно?

— Лучше увидеть своими глазами. Это... необычно.

Связь прервалась. Александр посмотрел на печать, лежащую на полу. Что происходит? Почему доктор Линг назвала его лейтенантом? И эти видения... Возможно, ему следует обратиться к медикам перед миссией. Но тогда его могут отстранить. Европа. Что-то внутри него знало — он должен попасть туда.

Александр наклонился и поднял печать. На этот раз никаких видений, только тяжелый, теплый металл. Он спрятал реликвию в нагрудный карман и почувствовал, как она легла напротив сердца — тяжелое напоминание об ответственности, которую он никогда не просил, но от которой не мог отказаться.

Институт Ксенологии был самым новым зданием Лунной колонии — сверкающий купол из композитных материалов, способных выдержать экстремальные температуры и радиацию. Александр шел по стерильному коридору, ощущая, как печать пульсирует в такт его шагам. Или это его сердце так колотилось?

Охранные сканеры считывали его биометрию на каждом повороте. Зеленые огни — допуск разрешен. Система знала

его. Но почему ему казалось, что он здесь впервые?

— Капитан Чен, мы ждали вас, — доктор Линг Мэй, главный ксенолингвист проекта, встретила его у входа в лабораторию. Ее глаза, раскосые и яркие, изучали его с научным любопытством.

— Что вы обнаружили, доктор? — спросил Александр, пытаясь звучать профессионально, несмотря на странное ощущение, что он знает эту женщину лучше, чем должен.

— Следуйте за мной.

Лаборатория представляла собой круглый зал с голографическими проекторами по периметру. В центре находился объект, накрытый защитным куполом из полупрозрачного материала.

— Три дня назад автоматический зонд Скаут-7 пробурил скважину в ледяной коре Европы, — начала доктор Линг, активируя голограмму спутника Юпитера. — Это стандартная процедура, мы делаем это уже восемь раз. Но в этот раз... зонд что-то нашел.

Она подошла к объекту в центре и сняла защитный купол. Под ним лежал контейнер с прозрачной жидкостью, в кото-

рой плавало нечто, напоминающее кристалл льда размером с кулак. Но это был не лед. Кристалл пульсировал слабым голубоватым светом.

— Что это? — спросил Александр, делая шаг вперед.

— Мы не знаем, — ответила Линг. — Оно органическое, но не соответствует ни одной известной форме жизни. И оно... реагирует.

— На что?

— На определенные частоты. На электромагнитные поля. На...

Она замолчала, глядя на его грудь. Александр опустил взгляд и увидел, что его карман светится — печать внутри излучала тот же голубоватый свет, что и кристалл.

— Что у вас там? — резко спросила Линг.

Александр машинально прикрыл карман рукой.

— Семейная реликвия. Не имеет отношения к...

— Покажите, — в ее голосе звучал приказ несмотря на то,

что по званию она была ниже.

Неохотно Александр достал печать. В ярком свете лаборатории она выглядела иначе — металл, казалось, стал полупрозрачным, а внутри, как в янтаре, застыли странные узоры, похожие на морские водоросли.

Доктор Линг побледнела.

— Где вы это взяли?

— Это семейная реликвия, передается от отца к сыну, — ответил Александр. — Что не так?

Вместо ответа она повернулась к терминалу и вывела на экран изображение. Символ, выгравированный на обратной стороне печати Александра — точно такой же узор был виден внутри кристалла с Европы.

— Это невозможно, — прошептал Александр.

— И тем не менее, это факт, — Линг повернулась к нему, ее взгляд стал жестким. — Капитан Чен, вы должны объяснить это совпадение.

— Я не могу, — честно ответил он. — Эта печать в нашей

семье уже четыре поколения. Мой прадед нашел ее в затопленном храме в Шанхае после Великого Потопа.

— Затопленном, — повторила Линг. — Вода. Океан. Европа.

Она подошла ближе, протягивая руку.

— Могу я?

Александр колебался. Печать никогда не покидала семью Ченов. Но научная необходимость...

— Только при мне, — сказал он, не отдавая реликвию.

Линг кивнула и поднесла сканер. Устройство загудело, анализируя состав металла.

— Странно, — пробормотала она, глядя на результаты. — Это не золото. То есть, внешний слой — золото, но внутри... материал, которого нет в нашей базе данных.

Внезапно кристалл в контейнере вспыхнул ярче, печать в руке Александра ответила тем же. По лаборатории прокатилась звуковая волна — низкая, вибрирующая, на грани слышимости. Компьютеры замигали, на экранах появились те же

странные символы, которые Александр видел в своей комнате.

— Что происходит? — воскликнула Линг, бросаясь к терминалу.

Александр почувствовал, как печать в его руке становится горячей, почти обжигающей. Но он не мог ее отпустить. Символы на экранах двигались все быстрее, складываясь в сложные узоры. И внезапно он понял, что может их прочитать.

Времени мало. Круг замыкается. Они идут.

— Эвакуация! — раздался механический голос системы безопасности. — Всему персоналу немедленно покинуть помещение! Обнаружена биологическая угроза!

Защитные переборки начали опускаться. Линг схватила Александра за руку.

— Идемте! Мы должны...

Она не закончила. Контейнер с кристаллом взорвался, разбрызгивая жидкость. Но вместо того, чтобы разлиться по полу, вода зависла в воздухе сферическими каплями, как в

невесомости, хотя гравитационные генераторы Луны работали нормально.

Капли начали двигаться, сливаться, формируя в воздухе фигуру — гуманоидную, но текучую, с конечностями, которые постоянно меняли форму. Где должно было быть лицо, проступили два огромных глаза без век — точно такие же, какие Александр видел в отражении печати.

— Невозможно, — прошептала Линг, отступая к стене.
— Это не может...

Существо повернуло свою текучую голову к Александру. Печать в его руке засветилась так ярко, что он был вынужден зажмуриться. Сквозь закрытые веки он все равно видел свет — и что-то еще. Образы, проникающие прямо в мозг.

Океан под километровой толщей льда. Светящиеся существа, плавающие в темной воде. Символы, складывающиеся в послания. И катастрофа — огромная, неотвратимая, надвигающаяся на Землю.

— Они пытаются предупредить нас, — произнес Александр, не узнавая свой голос. — Они знают, что произойдет.

— Кто они? — спросила Линг, ее научное любопытство

пересилило страх.

— Водиони, — ответил Александр, хотя никогда раньше не слышал этого слова. — Они существуют вне времени. Они видят будущее. И прошлое.

Водяная фигура сделала шаг к нему, протягивая текучую руку. Александр, как в трансе, протянул свою, все еще сжимающую печать.

В момент контакта время словно остановилось. Александр увидел тысячи вероятностей, тысячи временных линий. В одних он погибал на Европе. В других становился героем, спасшим человечество. В-третьих, превращался в нечто иное, не человеческое, но и не чуждое.

— Мы встречались раньше, — прошептал Александр. — В другом времени. В другой версии реальности.

Существо кивнуло, его текучая голова колыхнулась. Затем оно посмотрело на доктора Линг, и ее глаза расширились от шока узнавания.

— Мама? — произнесла она дрожащим голосом. — Но ты умерла десять лет назад...

Александр повернулся к ней, ошеломленный.

— Ваша мать?

— Она была ксенолингвистом. Погибла во время первого контакта с... — Линг замолчала, глядя на водяную фигуру с растущим пониманием. — Это была не авария. Она встретила их. И стала одной из них.

Существо снова кивнуло, затем указало на печать в руке Александра, а после — на его сердце.

— Оно хочет, чтобы я взял печать с собой на Европу, — понял Александр. — Она каким-то образом связана с их миром. Возможно, даже создана ими.

— Но как она попала к вашей семье? — спросила Линг.

— Я не знаю. Но... — Александр вдруг понял что-то важное. — Может быть, это не первый контакт. Может быть, они общаются с нами уже давно. Через избранных посредников.

Сигнал тревоги продолжал звучать, но ни Александр, ни доктор Линг не обращали на него внимания. Водяное существо начало терять форму, распадаясь на капли.

— Оно не может долго оставаться материальным в нашем мире, — сказала Линг. — Слишком сухо, слишком низкое давление.

Перед тем, как полностью раствориться, существо коснулось пальцем экрана ближайшего терминала. Там появилось новое сообщение: дата отправления экспедиции изменилась снова. Теперь там стояло 14 декабря 2145.

— Оно хочет, чтобы мы отложили миссию? — удивился Александр. — Но почему?

— Может быть, нам нужно лучше подготовиться, — предположила Линг. — Или они должны что-то сделать перед нашим прибытием.

Последние капли существа испарились, оставив после себя лишь влажный след на полу. Свет печати погас, она снова стала просто тяжелым золотым диском. Но Александр знал — она никогда не была просто металлом. И никогда не будет.

Двери лаборатории распахнулись, вбежала охрана в защитных костюмах.

— Всем оставаться на месте! Возможно биологическое заражение!

Александр посмотрел на доктора Линг. Она едва заметно покачала головой — не говори им. Не все готовы к правде.

Он спрятал печать в нагрудный карман и почувствовал, как она легла напротив сердца — уже не тяжелое бремя, а ключ. Ключ к тайне, которая началась задолго до его рождения и будет продолжаться после его смерти. Тайне, которую его семья хранила, даже не подозревая об этом.

Юпитер за окном пульсировал, словно огромный глаз, наблюдающий за ними из космических глубин. Европа ждала. И где-то под ее ледяной корой плавали существа, которые знали будущее. Знали его.

Круг замыкался.

Глава 2:

Сны подо льдом (2145, Ноябрь)

Тишина корабельной каюты разрывалась лишь мерным гудением систем жизнеобеспечения. Тусклый свет аварийной панели очерчивал силуэт спящего Александра, чье лицо искажалось в беспокойном сне. Простыни скручивались вокруг его тела, как удушающие водоросли. Металлический привкус рециркулированного воздуха висел в каюте, смешива-

ваясь с легким ароматом антисептика, которым пропитывали все ткани на борту Гермеса-7.

За переборкой кто-то тихо переговаривался — ночная смена проверяла системы корабля. Их голоса, приглушенные толщей титановых стен, сливались с фоновым гулом двигателей, создавая симфонию космического полета, которая давно стала для Александра естественным звуковым фоном.

В этом сне он парил под километровой толщей льда. Европа. Юпитерианская луна с океаном, скрытым под ледяной коркой. Вода давила на грудь, но он мог дышать, словно его легкие трансформировались, приспособились к чужеродной среде. Темнота была не абсолютной — бледное свечение, источник которого он не мог определить, позволяло различать очертания подводного ландшафта.

Перед ним раскрывалась бездна, где плавали странные символы — не иероглифы, не буквы, скорее живые существа, образующие узоры, несущие смысл, который ускользал от понимания. Они пульсировали, словно дышали, меняя форму, цвет, интенсивность свечения. Александр протянул руку, и один из символов приблизился, касаясь его пальцев. Прикосновение отозвалось электрическим разрядом, прошедшим через все тело.

Ему показалось, что он услышал голос. Нет, не голос — скорее эхо мысли, отголосок сознания, которое не было человеческим.

Александр Чен, — звучало внутри его головы. Мы ждали тебя.

Кто вы? — спросил он, удивляясь, что может говорить под водой.

Мы — те, кто существует между слоями реальности. Мы — хранители границ. Мы — помнящие будущее.

Существа приближались, их текущие тела светились бледно-голубым. Они говорили — не звуками, а вибрациями, которые он ощущал всем телом. Лингвистические коды, невозможные для человеческого восприятия, но почему-то знакомые. Словно что-то в глубине его ДНК, в клеточной памяти, в квантовой структуре его мозга резонировало с этими сигналами.

Одно из существ — более крупное, с более сложным узором свечения — выдвинулось вперед. Его форма менялась, будто оно искало конфигурацию, наиболее понятную человеческому восприятию. На мгновение Александру показалось, что оно приняло силуэт, напоминающий человеческий

— с головой и конечностями. Но через секунду иллюзия рассеялась, и перед ним снова был пульсирующий сгусток света.

Ты несешь ключ, — вибрация стала интенсивнее. Ты — мост между мирами.

Я не понимаю, — Александр чувствовал, как его сознание расширяется, пытаясь вместить концепции, для которых в человеческом языке не существовало слов.

Существо приблизилось еще больше. Его свечение стало почти нестерпимым для глаз.

Покажи печать, — потребовало оно.

Александр инстинктивно потянулся к груди, где всегда носил золотую печать на цепочке. Но его пальцы нащупали лишь голую кожу. Паника охватила его.

Без печати мост не будет завершен, — вибрация существа изменилась, в ней появились нотки, которые Александр интерпретировал как тревогу. Опасность приближается. Мы должны предупредить...

Внезапно вода вокруг них начала закипать. Не от жара — от энергии, которая исходила из какого-то источника над ни-

ми. Лед, служивший крышей этому подводному миру, начал трескаться. Сквозь разломы пробивались лучи — не солнечного света, а какого-то искусственного излучения, от которого существа съеживались и тускнели.

Они пришли раньше, — вибрация существа стала прерывистой, болезненной. Пятый цикл. Раньше. Всегда раньше.

Кто пришел? О чем вы говорите? — Александр пытался понять, но чувствовал, как связь ослабевает, как сон начинает рассыпаться на фрагменты.

Существо сделало последнее усилие. Оно приблизилось вплотную к лицу Александра и раскрылось, как цветок из света. Внутри был образ — Земля, охваченная пламенем. Корабли, которых он никогда не видел, висящие над городами. И дата — 11 июня 2146 года. Всего через полгода.

Найди нас. Предупреди их. Помни.

Свет взорвался, заполнив всё пространство сна.

Александр резко сел в постели. Пот стекал по спине, сердце билось тяжело. Простыни были скомканы и влажны от пота. Дрожащей рукой он провел по лицу, пытаясь стереть остатки сна, но образы продолжали стоять перед глазами —

существа из света, говорящие вибрациями, разлом во льду, горящая Земля.

Корабль Гермес-7 был в пяти неделях пути от Европы, но эти сны начались задолго до приказа о миссии. Словно что-то звало его, использовало его сознание как антенну. Еще в Институте Ксенологии, когда он просматривал файлы матери, когда впервые увидел фотографии ледяной луны Юпитера, первый сон настиг его. Тогда он списал это на переутомление, на слишком глубокое погружение в работу. Но сны продолжались, становились всё более яркими, детализированными.

Александр потянулся к нагрудному карману пижамы и нащупал золотую печать. Вынув ее, он поднес к глазам. В тусклом свете аварийной панели казалось, что узоры на древнем артефакте двигаются, перетекают, как те существа из сна. Он моргнул, и иллюзия исчезла. Но что-то изменилось — сейчас, вглядываясь в выгравированные иероглифы, он начал различать в них не китайские символы династии Мин, а те странные узоры, которые видел под водой.

Он положил печать на прикроватный столик и отшатнулся, когда артефакт, кажется, засветился собственным внутренним светом. Тусклое, едва заметное сияние, того же бледно-голубого оттенка, что и существа из сна.

Интерком на стене ожил, вырывая Александра из оцепенения.

Капитан Чен, вы не спите? — голос лейтенанта Сун был напряжен.

Не сплю, лейтенант. В чем дело?

Сэр, системы дальнего обнаружения засекли странную аномалию. Я думаю, вам стоит это увидеть.

Александр встал, чувствуя, как ноги дрожат от слабости. Иду, — ответил он, натягивая форму.

Он бросил последний взгляд на золотую печать. Свечение исчезло, и теперь она выглядела как обычный древний артефакт — кусок металла с затейливой гравировкой. Но он знал, что это иллюзия. Как и весь мир вокруг него.

На пути к мостику Александр шел знакомыми коридорами Гермеса-7, но чувствовал себя чужим, словно его сознание отделилось от тела и наблюдало со стороны. Члены экипажа, встречавшиеся по пути, отдавали честь, но ему казалось, что их движения замедлены, а глаза смотрят сквозь него.

Мостик встретил его тревожными красными огнями и напряженной тишиной. Лейтенант Сун стоял у главного экрана, вглядываясь в данные, которые не имели смысла.

Что вы обнаружили, лейтенант? — спросил Александр, подходя ближе.

Сун обернулся, и Чен едва сдержал возглас удивления. Глаза лейтенанта светились тем же бледно-голубым светом, что и существа из сна.

Мы обнаружили следы корабля, капитан, — голос Суна звучал странно, с вибрацией, которая не могла принадлежать человеку. Того самого корабля, который уничтожит Землю.

Александр замер. Что ты такое? — прошептал он.

Сун улыбнулся, но улыбка была неестественной, словно кто-то, не знакомый с человеческой мимикой, пытался ее имитировать.

Мы — Водиони, капитан Чен. Мы используем все доступные каналы связи. Ваши сны. Ваши товарищи. Даже компьютеры вашего корабля.

Экран за спиной Суна ожил, показывая изображение космического корабля — конструкция, которую Александр никогда не видел, с технологиями, опережающими человеческие на столетия.

Они придут через семь месяцев, — продолжал Сун голосом, который становился всё менее человеческим. Они не из вашей галактики. Они не знают, что вы разумны. Для них вы — ресурс. Биомасса. Если вы не будете предупреждены, если не подготовитесь, они уничтожат вашу цивилизацию.

Почему вы говорите мне это? Почему я?

Сун поднял руку, и на его ладони лежала золотая печать — точная копия той, что Александр оставил в своей каюте.

Потому что вы уже сделали это, капитан. В другом цикле времени. Вы нашли нас. Вы передали предупреждение. Вы изменили историю. Но цикл повторяется, с вариациями. И мы не знаем, какой из них реален.

Экран за спиной Суна замерцал, показывая альтернативные версии событий — Александр ведет корабль к Европе, Александр встречает существ под льдом, Александр передает предупреждение, но ему не верят, Земля в огне, Земля спасена, Земля в руинах, Земля процветает.

Печать — это ключ, — Сун протянул артефакт Александру. Она соединяет все версии реальности. Все потенциальные результаты. Вы должны решить, какой из них станет истинным.

Александр протянул руку, касаясь печати. В момент контакта реальность раскололась. Мостик Гермеса-7 растворился, как мираж. Сун исчез. Александр оказался в пустоте, где сияли миллионы нитей вероятностей, переплетаясь в сложный узор — точно такой же, как на золотой печати.

Выбирай, — голоса Водионов звучали отовсюду. Но помни: каждый выбор имеет цену.

Перед ним возникли две двери. За одной — миссия к Европе проходит успешно, контакт с Водионами устанавливается официально, человечество получает предупреждение и готовится к обороне. За другой — Александр отказывается от миссии, печать забирают для изучения, контакт срывается, но Земля все равно получает шанс на спасение через другого посредника.

Я не могу выбирать судьбу целой планеты, — Александр чувствовал, как на него давит ответственность решения.

Ты уже сделал это, — ответили голоса. Много раз. В каждом цикле. И будешь делать снова.

Он протянул руку к первой двери, но внезапно реальность снова изменилась.

Александр открыл глаза. Он лежал в своей каюте, на смятых от беспокойного сна простынях. Сердце колотилось о ребра, пот стекал по вискам. Это был всего лишь сон? Или сном было его пробуждение?

Он посмотрел на прикроватный столик. Золотая печать лежала там, где он ее оставил. Но теперь она выглядела иначе — узор на ней изменился, став более сложным, более живым. Она светилась внутренним светом, пульсируя в такт его сердцебиению.

Интерком молчал. За переборкой не было слышно голосов. Лишь мерное гудение систем жизнеобеспечения нарушало тишину. Корабль Гермес-7 был в пяти неделях пути от Европы. Или это был уже третий цикл? Пятый? Десятый?

Александр взял печать в руку, ощущая, как она вибрирует, словно живое существо. Он больше не мог отличить реальность от сна, прошлое от будущего. Единственное, в чем он был уверен — печать была ключом. Мостом. Выбором.

И где-то под ледяной коркой Европы его ждали существа, которые знали правду.

Глава 3: Один день с отцом (2143, Февраль)

Запах кедровой смолы наполнял воздух, густой и терпкий, смешиваясь с морозной свежестью горного утра. Грубо обтесанные бревна старой хижины контрастировали с высокотехнологичной реальностью космического века. Древесина, потемневшая от времени, хранила тепло летних дней и память поколений. Александр провел ладонью по шершавой поверхности, ощущая, как история семьи Чен буквально пульсирует под пальцами.

За окном, в утреннем тумане, Чен Вэй, адмирал в отставке, рубил дрова с силой, непропорциональной его семидесяти годам. Каждый удар топора отдавался эхом в горах Хуаншань, словно сердцебиение древнего существа. Старик двигался с военной точностью — взмах, удар, пауза, следующее полено. Его седые волосы казались серебряными в рассеянном свете, а морщины на лице складывались в карту прожитых сражений.

Александр наблюдал за отцом с веранды, сжимая в руках чашку с дымящимся чаем. Пар поднимался спиралями, рас-

творяясь в холодном воздухе. Завтра он примет присягу Космического Флота. Вчера он прилетел проститься. Это не было сказано вслух, но понимание висело между ними — невидимое, но плотное, как горный туман.

Над горами собирались странные облака — не серые, а голубоватым оттенком, их формы напоминали морские волны, застывшие в движении. Нетипично для этого времени года, подумал Александр, делая глоток горького чая.

Двадцать лет не был здесь, — пробормотал он, больше для себя, чем для отца. Ничего не изменилось.

Чен Вэй опустил топор, но не повернулся. Его плечи напряглись, как будто он услышал не то, что было сказано, а то, что скрывалось за словами.

Всё изменилось, — ответил он наконец. Ты просто не видишь.

Старик вонзил топор в пень с такой силой, что тот встал вертикально, дрожа от удара. Александр поставил чашку на деревянные перила веранды. Что-то в тоне отца заставило его напрячься — инстинкт, выработанный годами службы. Опасность. Но не физическая — что-то иное.

Ты чувствуешь её зов? — внезапно спросил отец, не обращившись.

Ветер усилился, принося с собой не холод, а странное, почти электрическое покалывание на коже. Сосны вокруг хижины зашуршали, их ветви качались не в такт порывам, а словно по собственной воле.

Чей зов? — Александр не понял вопроса, но ощутил, как по спине пробежал холодок. Не от ветра — от чего-то глубокого, примитивнее. Как будто его тело отреагировало на опасность раньше, чем разум ее осознал.

Чен Вэй медленно повернулся. Его глаза, обычно темно-карие, в утреннем свете казались почти черными, непроницаемыми. Он смотрел на сына, но взгляд был направлен куда-то дальше, сквозь него, в пространство за его спиной.

Скоро поймешь, — старик подошел к веранде тяжелыми шагами, каждый из которых оставлял глубокий след в влажной земле. Морщинистая рука нырнула во внутренний карман старой флотской куртки, потертой на локтях. Пришло время.

Александр почувствовал, как сердце сбилось с ритма. То, как отец произнес эти слова — пришло время — не остав-

ляло сомнений в их значимости. Это не было обычным разговором. Это был ритуал, о котором Александр не знал, но в котором должен был участвовать.

Рука отца вынырнула из кармана, сжимая что-то небольшое, но излучающее странное напряжение, почти осязаемое в воздухе между ними. Золотая печать лежала на морщинистой ладони, отражая солнечный свет не как металл, а как нечто живое, пульсирующее.

Это семейная реликвия? — спросил Александр, не в силах оторвать взгляд от печати. Узор на ней завораживал — не китайские иероглифы, как можно было бы ожидать, а что-то более древнее, напоминающее скорее волны или течения.

Чен Вэй издал короткий, резкий смешок, больше похожий на лай.

Мой дед говорил, что нашел её в затопленном храме во время Великого Потопа. Но это ложь. Она нашла нас.

Александр протянул руку к печати, повинувшись импульсу, которого не понимал. Отец отдернул ладонь — почти инстинктивно, как будто защищая сына от опасности.

Не сейчас, — его голос стал ниже, почти шепот. Сначала

ты должен знать.

Глаза старика, казалось, смотрели сквозь сына, в какое-то иное пространство. В них читался страх — эмоция, которую Александр никогда не видел у отца. Чен Вэй, герой Марсианской кампании, адмирал, командовавший флотилиями в трех системах — испуган?

Она принадлежит океану, — сказал старик, и эти слова прозвучали как признание в предательстве.

Ветер усилился до того, что закрипели стены хижины. Сосны вокруг изгибались под его напором, их ветви царапали воздух, как руки утопающего. Облака над горами, прежде похожие на волны, теперь приняли форму гигантского водоворота, его центр темнел прямо над хижинкой.

Какому океану? — Александр попытался сохранить рациональность, но ощущал, как что-то сдвигается в его восприятии. Воздух стал густым, как вода. Звуки доносились приглушенно, словно через толщу жидкости. Отец, мы в горах. Ближайший океан в тысячах километров отсюда.

Чен Вэй покачал головой, и вдруг его лицо изменилось — не физически, но словно маска соскользнула, обнажая то, что было скрыто годами дисциплины и самоконтроля.

Александр увидел перед собой не отца-военного, а человека, несущего невыносимый груз знания, которое невозможно ни принять полностью, ни отвергнуть.

Не тот океан, что на Земле, — старик повернул печать так, чтобы солнечный луч упал на неё под определенным углом. Золотой диск вспыхнул, но не отраженным светом — он словно загорелся изнутри, проецируя на стену хижины узор из света и тени. Узор, который двигался, пульсировал, как живой организм.

Что... что это? — Александр отступил на шаг, ощущая, как по коже пробегают мурашки.

Они ждали нас, — отец говорил тихо, почти благоговейно. Все эти тысячи лет. Под льдом. В темноте. Они — хранители равновесия.

Внезапно Александр почувствовал запах соли — острый, йодистый запах моря, невозможный здесь, в горах. Его желудок сжался, а в голове зашумело, словно в ушах плескались волны.

Я не понимаю, — он опустился на скамейку веранды, ощущая внезапную слабость. Кто они? О чем ты говоришь?

Чен Вэй сел рядом. Печать в его руке продолжала проецировать странный узор, но теперь он двигался медленнее, почти гипнотически.

Когда мой отец передал её мне, я тоже не понимал, — старик говорил медленно, выбирая слова. Думал, это просто суеверия. Семейные легенды. Но потом... потом начались сны.

Слово сны прозвучало как ключ, открывающий запертую дверь. Александр вздрогнул, вспоминая собственные кошмары, преследовавшие его последние месяцы. Темная вода. Давление. Голоса, говорящие на языке, которого не существует.

Я видел их, — сказал он, сам удивляясь своим словам. Под водой. Они... светятся.

Лицо отца исказилось странной смесью ужаса и облегчения.

Значит, они уже нашли тебя. Раньше, чем я думал. Раньше, чем было с нами.

С нами?

Твоя мать тоже слышала их, — Чен Вэй произнес это так тихо, что Александр едва расслышал. Перед тем, как её корабль отправился к Сириусу. Она сказала, что они предупреждали о чем-то. Что-то о воде, о волнах в пустоте.

Упоминание матери ударило Александра, как физический толчок. Лин Мэй Чен, ксенолингвист, погибшая в первом конфликте с Сириусом — образ, почти стертый временем, но всегда присутствующий где-то на краю сознания.

Ты говоришь, что мама... — он не смог закончить фразу.

Твоя мать не погибла в бою, — Чен Вэй смотрел прямо перед собой, на горы, окутанные странными облаками. Она услышала их зов. И последовала за ним.

Внезапно между ними появилось нечто — не физическое, но почти осязаемое. Призрак невысказанной правды, тайны, которая, наконец, выходит на поверхность после десятилетий молчания.

Официальная версия — её корабль был уничтожен в первом контакте с Сириусом, — продолжил отец. Но я видел записи. Там не было боя. Её корабль просто... ушел. В глубину. В пустоту между звездами.

Это невозможно, — Александр покачал головой, чувствуя, как реальность ускользает от него. Космические корабли не могут... там нет океана, чтобы уйти в глубину.

Нет океана, который мы знаем, — Чен Вэй повернул к нему лицо, и Александр с ужасом увидел, что глаза отца изменились — радужка расширилась, поглощая белок, становясь глубокой, бездонной чернотой. Но есть иные глубины. Между звездами. Между мыслями. Между мгновениями времени.

Печать в руке старика внезапно засветилась ярче, её свет стал почти болезненным для глаз. Узор, проецируемый на стену, ускорился, превращаясь в калейдоскоп образов, слишком быстрых, чтобы их можно было осознать, но каким-то образом понятных на уровне глубже мыслей — инстинкты, архетипы, генетическая память.

Александр увидел океан — бескрайний, черный, под километровой толщей льда. Европа. Юпитерианская луна. Место, где он никогда не был, но которое знал, как знают дом, в котором родились. В этом океане плыли существа — не физические в привычном смысле, но сотканные из света, информации и чего-то, для чего в человеческом языке не было названия. Водиони — слово пришло из ниоткуда, но он знал, что оно правильное.

Они предупреждают, — голос отца доносился словно издалека. Каждое поколение. Они пытаются достучаться до нас. Но мы не слушаем. Не понимаем.

Видение исчезло так же внезапно, как появилось. Александр обнаружил, что стоит, вцепившись в перила веранды с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Сердце колотилось в горле, а рубашка прилипла к спине от холодного пота.

Что... что это было? — он с трудом узнал собственный голос — хриплый, надломленный.

Чен Вэй смотрел на него глазами, вновь ставшими нормальными — усталыми глазами старика, видевшего слишком много.

Первый контакт, — он протянул руку с печатью. Теперь твоя очередь нести её.

Александр отшатнулся, как от ядовитой змеи.

Я не хочу этого. Любых видений. Любых голосов.

Выбора нет, — спокойно ответил отец. Они уже выбрали

тебя. Печать — лишь фокус, инструмент. Но связь уже установлена.

Он шагнул к сыну, и в этот момент над хижиной разразилась гроза — странная, беззвучная, с молниями, которые не сверкали, а словно перетекали между облаками, как щупальца гигантского существа. Дождь хлынул стеной — тяжелый, с каплями, которые не разбивались о землю, а словно впитывались в неё, оставляя серебристый след.

Золотая печать в руке отца пульсировала в такт каплям. Вода стекала по ней, но не смачивала металл, а образовывала на поверхности узоры, похожие на иероглифы неизвестного языка.

Когда придет время, ты услышишь их голоса, — Чен Вэй вложил печать в руку сына, сжимая его пальцы вокруг холодного металла. Не сопротивляйся. Слушай.

В момент прикосновения к печати мир вокруг Александра словно застыл. Дождь завис в воздухе, превратившись в миллионы крошечных линз, через которые реальность преломлялась, раскалывалась на фрагменты, а затем собиралась вновь — иная, измененная.

Он увидел себя — но не здесь и сейчас, а в будущем. На

борту корабля, в скафандре, под толщей льда Европы. Увидел странный свет, поднимающийся из глубины. Сущест, тянущих к нему щупальца из чистой энергии. Катастрофу, разворачивающуюся со скоростью мысли.

Видение распалось, оставив после себя привкус соли на губах и ощущение неизбежности.

Дождь прекратился так же внезапно, как начался. Воздух наполнился электричеством и запахом озона. Облака над хижиной разошлись, открывая небо — не голубое, как должно быть днем, а черное, усыпанное звездами, среди которых выделялась одна, особенно яркая. Юпитер.

Золотая печать в руке Александра потеплела, словно впитывая тепло его тела, становясь его частью.

Я не хочу этого бремени, — прошептал он, глядя на отца.

Чен Вэй улыбнулся — впервые за весь день, но эта улыбка была полна горечи.

Никто из нас не хотел, — он положил руку на плечо сына. Но помни: они не враги. Они пытаются помочь. Даже если их помощь кажется нам непостижимой.

Ветер утих, сосны перестали раскачиваться. Мир вокруг постепенно возвращался к нормальности — или к тому, что казалось нормальностью. Но Александр чувствовал, что ничто уже не будет прежним. Печать в его руке была теплой, живой, как будто обладала собственным пульсом, синхронизированным с его сердцебиением.

Что я должен делать? — спросил он, ощущая странную смесь страха и смирения.

Жить, — просто ответил отец. Служить. Ждать их зова. И когда он придет — слушать. Не только ушами, но всем существом.

Чен Вэй обнял сына — крепко, по-военному, словно прощаясь перед долгой разлукой. Возможно, так оно и было.

Теперь ты носитель печати, — прошептал он. Связующее звено между мирами. Между прошлым и будущим.

Облака над горами постепенно принимали обычную форму. Юпитер исчез с неба, уступив место солнцу. Но Александр знал, что планета-гигант и её ледяные луны теперь всегда будут частью его — маяком, зовущим в глубину, которую невозможно измерить человеческими мерками.

Он спрятал печать в нагрудный карман, и она легла напротив сердца — живое, пульсирующее напоминание о долге, о тайне, о связи, которая простиралась через пространство и время, соединяя его с существами, чья природа лежала за пределами человеческого понимания.

Завтра он примет присягу Космического Флота. Но сегодня он принял иную клятву — безмолвную, но не менее обязывающую. Клятву слушать голоса из глубины и нести их послание через звезды.

Чен Вэй вернулся к колке дров — методично, с военной точностью. Но теперь Александр видел в этих движениях не просто рутину старого солдата, а ритуал, медитацию, способ сохранить разум перед лицом знания, которое могло раздавить человеческое сознание.

Чашка с остывшим чаем всё еще стояла на перилах веранды. Александр сделал глоток и почувствовал вкус не горького китайского чая, а соли — словно отпил из самого океана, скрытого под ледяной коркой далекой луны.

Я слышу вас, — прошептал он, не зная, кому адресованы эти слова. И я буду слушать.

Запах соли в вакууме (2145, Декабрь)

Бур медленно пробивал толщу льда Европы. Звук передавался через корпус подледного зонда Тритон — низкий, вибрирующий гул, от которого немели зубы и вибрировала грудная клетка. Каждый метр, пройденный через древний лед, отдавался в костях экипажа. Александр Чен, не отрываясь, следил за показаниями датчиков, ощущая, как нарастает давление — не только на обшивку аппарата, но и на его сознание.

В командном отсеке Тритона сохранялась напряженная тишина, нарушаемая лишь синхронизированным дыханием четырех человек и монотонным писком приборов. Узкое пространство, заполненное голографическими дисплеями, создавало иллюзию большего объема, но каждый член экипажа остро ощущал километры льда над головой и непознанную бездну под ногами.

— Отметка минус четыреста двадцать метров, — доложила лейтенант Сун, ксенобиолог экспедиции. Её точеное лицо оставалось невозмутимым, но глаза выдавали тревогу. — Термодатчики фиксируют аномальный градиент температур. Что-то нагревает лед снизу.

Капитан Чен кивнул, не отрывая взгляда от основного мо-

нитора, где пульсировала трехмерная модель ледяной коры Европы. Замкнутое пространство модуля внезапно показалось ему теснее, почти душным, несмотря на идеальную работу системы жизнеобеспечения.

Шлем скафандра, который Александр держал на коленях — обязательная мера предосторожности во время бурения — запотел изнутри. Он провел пальцем по внутренней поверхности и с удивлением заметил кристаллы соли, оставшиеся на перчатке. Невозможно. Они не открывали шлюз, система очистки воздуха работала идеально. Но запах моря наполнял его легкие — соленый, йодистый, древний. Запах, который не мог существовать в герметичном отсеке космического аппарата, в безвоздушном пространстве чужой луны, в стерильной атмосфере корабля.

Александр взглянул на остальных членов экипажа — никто, казалось, не замечал аномалии. Ему вспомнились сны последних месяцев: плавание в бескрайнем океане, голоса в глубине, тяжесть воды, давящая на грудь.

— Капитан, вы в порядке? — спросил доктор Хуан, бортовой врач, отрываясь от своей консоли. — Ваши показатели скачут.

— Все нормально, — отрезал Александр, пытаясь скон-

центрироваться на реальности, которая становилась все более зыбкой с каждой секундой. — Сколько до предполагаемой границы океана?

— При текущей скорости бурения — около двух часов, — ответил инженер Ковальски, не поднимая глаз от панели управления буровой установкой. — Хотя эти показания... — он замолчал, нахмурившись. — Странно. Плотность льда меняется быстрее, чем предсказывали модели. Словно там внизу...

Он не закончил фразу. Монитор перед ним замигал красным.

— Нарушение структурной целостности бура! — воскликнул Ковальски, его пальцы забегали по сенсорной панели. — Что за черт? Датчики показывают давление как при погружении на семьсот метров, но мы только на четыреста двадцати!

— Стабилизируйте платформу, — приказал Александр, чувствуя, как учащается пульс. — Сун, анализ состава льда на текущей глубине.

Лейтенант активировала сканеры. Её тонкие брови удивленно поднялись.

— Капитан, это... не совсем лед. Структура кристаллической решетки нарушена. Похоже на клатрат — газовый гидрат смешанного состава. Здесь метан, углекислый газ и... — она осеклась. — Странно. Органические соединения, сходные с нейромедиаторами земных океанических млекопитающих. Как если бы...

— Капитан, мы фиксируем аномальные акустические сигналы, — голос лейтенанта Сун прервал её собственные размышления. На нижнем мониторе пульсировала звуковая волна — слишком ритмичная для случайного шума, слишком сложная для известных природных явлений.

Александр почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом. Он непроизвольно прикоснулся к золотой печати, скрытой под тканью скафандра на груди, и ощутил, как она вибрирует в такт сигналу. Древний талисман, переданный ему отцом, казалось, пульсировал собственной жизнью, словно сердце, бьющееся в унисон с чем-то из глубины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.